

Цзун Чихуай нашел дело, которое Се Жун не умел, и страшно обрадовался. Но он забыл, что сам тоже в этом не мастак.

Наблюдая, как Цзун Чихуай уже в третий раз неудачно перевязывает его и делает больно, Се Жун заподозрил неладное и выдернул бинт обратно:

— Я сам.

Молодой господин Цзун смущенно уставился на бинт, не в силах сохранить лицо:

— Эти бинты неудобные.

— Тогда прикажи им стать удобнее.

Се Жуну действительно было очень больно. Кровь отхлынула от губ. Пока он бинтовал раны, на лбу выступала испарина - все от боли. На виновника он смотрел злым взглядом.

А лицо у него было свирепое, а когда он злился - то еще свирепее.

Цзун Чихуай тоже вспомнил, что это он так отделал противника. Когда дрался, не задумывался, а теперь ему показалось, что он перегнул палку.

Скривив губы, он, испытывая неловкость, присел рядом на корточки и замолчал.

Се Жун сидел на стуле и бинтовал раны; черно-золотые сапоги стояли на полу, одна нога была вытянута. Цзун Чихуай, сидевший на корточках рядом с этой ногой, опустил взгляд и уставился на нее.

Длинная и прямая, утянутая в форменные брюки, она напоминала острое, еще не обнаженное лезвие меча.

Сам того не замечая, Цзун Чихуай надолго застыл, разглядывая ногу своего заклятого врага, и его пальцы непроизвольно сжались.

«Ноги - просто нереальные».

«Если Се Жун такой худой, то и ноги у него худые? Не как у Омеги?»

С этой мыслью Цзун Чихуай поднял взгляд на Се Жуну. Тот, нахмурившись, занимался перевязкой. Его красивые брови были опущены, длинные ресницы бросали легкую тень на веки.

Алые губы, потеряв яркость, стали почти бледными, и маленькая ранка в уголке рта выделялась особенно четко.

Когда он молчал, он был очень похож на Омегу: красивый, хрупкий, вызывающий желание защитить.

Вероятно, он смотрел слишком долго. Почувствовав на себе взгляд, Се Жун опустил глаза и наткнулся на странный, липкий взгляд соперника.

Бровь взлетела вверх, длинные раскосые глаза пронзили острым светом:

— Чего уставился?

— Это уже не твоя вещь, так что нечего смотреть.

Он вернул ему его же прежнюю фразу – оказалось, злопамятный.

Цзун Чихуай облизнул сухие губы. Охотничий инстинкт Альфы, еще не осознанный им самим, скрыл за хищным, возбужденным взглядом:

— Смотрю и смотрю. Что хочу, то и делаю.

Он заметил, что вместо мягкой и слабой красоты такой опасный Се Жун был ему гораздо больше по нраву.

Да и на что годился слабый Альфа? Уважения заслуживал лишь такой могучий Альфа, как он сам.

С ухмылкой на лице он несерьезно окликнул его:

— Эй, Се Жун, все, что я сказал ранее, серьезно. Может, подумаешь? — С этими словами он положил руку на длинную ногу.

Опустив ладонь, он ощутил силу, скрытую в гибких мышцах, и слегка толкнул.

Затем как ни в чем не бывало убрал руку и, сидя на корточках, поднял голову, глядя на Се Жуна.

Один сидел и смотрел сверху вниз, другой сидел на корточках рядом и был вынужден задирать голову.

Такое положение было довольно щекотливым. Обычно люди с гордостью не очень-то любят подобное, тем более такой самолюбивый, как Цзун Чихуай.

Се Жуну достаточно было лишь немного опустить взгляд, чтобы охватить всего Цзун Чихуая.

Это ощущение было странным. Закончив перевязку, Се Жун небрежно скользнул взглядом по своевольным и необузданным чертам лица Цзун Чихуая, встретился с его горящими глазами, и настроение его внезапно улучшилось.

Он уже не сердился за то, что этот тип вдруг тронул его ногу и чуть не получил рефлекторный пинок в ответ.

В приподнятом настроении он ответил:

— Я тоже говорил серьезно. Я никогда не объединяюсь с побежденными.

— Это была случайность. Я признаю, что до этого я был слишком груб. — Цзун Чихуай, похоже, чувствовал неловкость и проговорил первую часть быстро, а затем замедлился:

— Нам необязательно быть врагами.

— Разве не круто вместе перевернуть Имперскую военную академию?

— Это и правда круто. — Се Жун кивнул в знак согласия.

Услышав это, Цзун Чихуай, сдув волосы с глаз, предложил:

— Тогда чего ждать? Работаем вместе. Я буду первым, а ты втор...

Почувствовав опасный взгляд Се Жуна, он тут же исправился:

— Ты тоже первый. Два первых места, так пойдет?

— Нет.

Он выпучил глаза, не в силах поверить, что даже после его уступки Се Жун отказал ему!

Глядя на недоверие на лице Цзун Чихуая, Се Жун улыбнулся и вскинул бровь:

— Я просто признал, что это круто, но не сказал, что согласен. Тебе не кажется, что ты слишком много о себе возомнил?

Его улыбка была слишком красивой. Цзун Чихуай видел у него лишь холодные ухмылки, издевки и вызывающие усмешки, но впервые видел простую, почти довольную улыбку.

Она заставила Цзун Чихуая еще раз взглянуть и подумать, что этот Альфа и правда чертовски хорош собой.

А затем до него дошел смысл слов, и его тут же разобрала злость:

— Ты что, издеваешься надо мной?!

— Се Жун, у тебя на меня какой-то зуб, да? Ты меня прям так ненавидишь?

Се Жун с невозмутимым видом кивнул:

— Да.

Он же злодей. Какой злодей любит главного героя?

Даже если отбросить все, на поздних этапах ему по сюжету положено уступать дорогу этим баловням судьбы, мостить им путь.

То, что он делал эту работу, не означало, что она ему нравится.

К тому же заносчивость и дерзость этого молодого господина действительно заслуживали трепки и не вызвали симпатии. Смотря на главного героя-атакующего, он испытывал лишь желание втоптать его в грязь.

Похоже, роль злодея действительно создана для него, и перевод в другой отдел был верным решением.

Цзун Чихуай же и вправду собирался взорваться от злости. Он в жизни не встречал таких людей: мало того что дразнят его, так еще и в лицо говорят о своей ненависти.

Цзун Чихуай знал, что у него паршивый характер, и многие Альфы его недолюбливают.

Но то, что Се Жун его ненавидит, помимо злости вызывало в нем еще и непонятную обиду.

Черт, да что я тебе такого сделал, что ты меня ненавидишь!

Хотя нет... он же только что его избил, и они сидят в медпункте.

Но до того, как он его избил, Се Жун ведь тоже его ненавидел?

Цзун Чихуай никак не мог взять в толк почему. Они никогда раньше не встречались, он ничем не оскорблял Се Жуна, так откуда такая ненависть?

Он до сих пор помнил их первую встречу.

Тогда у него только закончился период течки, который он пережил благодаря несгибаемой воле и ингибиторам.

Как только течка закончилась, Цзун Чихуай схватил вещи и помчался в Имперскую военную академию. Занятия еще не начались, но курсанты уже начинали заселяться.

Цзун Чихуай был высшим Альфой этого поколения. Неизвестно, сколько семей с Омегами положили на него глаз и стремились породниться с семьей Цзун.

В семье Цзун тоже давно подумывали подыскать ему Омегу, чтобы облегчить периоды течки. Цзун Чихуаю все это страшно надоело; ему совершенно не нравились Омеги.

Поэтому он сбежал напрямиком в академию, полагая, что, кроме него, здесь не будет других Альф.

Но неожиданно обнаружил, что вторая кровать уже застелена светло-голубой простыней, а одеяло аккуратно сложено – кто-то уже успел заселиться.

Слегка удивившись, он не проявил особого интереса.

Но кто бы мог подумать, что его старший брат по приказу деда примчится за ним в академию.

Цзун Чэн был очень раздосадован:

— Да скажи ты, какие Омеги тебе нравятся. Я вернусь и найду тебе похожую.

На что молодой господин дерзко ответил:

— На кой черт они мне сдались. Что за радость от Омеги, которого я одним ударом пришибу?

Цзун Чэн опешил:

— Ты с ума сошел? Омег бить собрался?

— Я домашний тиран. — Цзун Чихуай нахально ухмыльнулся. — В древних книгах сказано, что такие Альфы, как я, – склонны к насилию. Не брать в пару О – значит быть ответственным.

Старший брат надолго лишился дара речи, а потом потребовал описать типаж. Иначе он пошлет за ним самого старика.

Цзун Чихуаю это надоело до ужаса. Сдув волосы с лица, он повернул голову и заметил чей-то силуэт. Мельком он увидел прекрасное, словно цветок, лицо, полное неприкрытой агрессии.

Он махнул рукой и выпалил первое, что пришло в голову:

— Вот такие Омеги мне по душе.

— По крайней мере, выглядит так, будто я его не убью с одного удара.

Лишь позже Цзун Чихуай узнал, что это был его сосед по комнате Се Жун - Альфа.

<http://bllate.org/book/18044/1732421>